

гочисленные исследования последних лет по лексической и грамматической сочетаемости, могут быть двух типов. С одной стороны, слова объединяются в синтагму (синтагматическое поле) только на основе общности их синтагматических сем, т. е. семантической сочетаемости. К таким семантическим синтагмам относятся, например, как наиболее абстрактные группы типа «субъект + предикат», «субъект + предикат + объект», «субъект + атрибут», «предикат + атрибут»⁷⁵, так и менее абстрактные группы типа «глагол со значением поведения + субъект поведения + оценка поведения» и под. С этой точки зрения прилагательное *вороной* и существительное *платье* относятся к одному синтагматическому полю, ибо семантически (но не лексически!) они сочетаются друг с другом. С другой стороны, слова объединяются в синтагму не только на основе общности их синтагматических сем (семантической сочетаемости), но и на основе общности их нормативных валентных свойств (лексической и грамматической сочетаемости). К таким синтагмам относятся, например, группы типа «существительное + прилагательное», «глагол + наречие» или типа *ржать* +

+ *лошадь*, *топорщице* + *топор*⁷⁶, *белокурый* + *волосы* и под. Группировки первого типа представляют собой смысловые (или семантические) синтагматические поля, группировки второго типа — формальные (или нормативные) синтагматические поля. Поскольку в основе обоих этих типов лежат синтагмы (семантические или грамматические, формальные), их структура определяется валентными свойствами членов синтагмы.

В. Комплексные поля. При сложении парадигматических и синтагматических смысловых полей образуются комплексные поля. Такими полями являются, например, словообразовательные ряды, включающие слова разных частей речи вместе с их парадигматическими коррелятами (например, *Учитель* / *преподаватель* ... / *учит* / *наставляет* ... / *ученика* / *студента* ...); неоднородные по инвариантным значениям частей речи лексико-семантические группы (например, *слово*, *речь*... — *говорить*, *рассказывать* ...) и под. Вообще говоря, с комплексными семантическими полями мы имеем дело во всех тех случаях, когда позиции абстрактной семантической синтагмы заполняются не отдельными конкретными семемами, а их парадигматическими классами (=парадигматическими полями).

Л. М. Васильев

⁷⁵ Ср.: О. Есперсен, указ. соч., стр. 105—121; Э. Р. Атаян, Предмет и основные понятия структурального синтаксиса, Ереван, 1968, стр. 220—222.

⁷⁶ Ср.: С. Д. Кацнельсон, указ. соч., стр. 74—75.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ГРАММАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

На изучение турецкого языка, который в силу исторических причин был и остается в центре внимания европейских тюркологов, не могла не повлиять грамматическая традиция, выработанная при исследовании индоевропейских языков. Хотя агглютинативный строй турецкого языка и своеобразие его синтаксиса, резко отличающие его от флективных индоевропейских языков, требовали максимального отвлечения от привычных норм традиционных европейских грамматик, тем не менее в большинстве старых и ряде современных грамматик турецкого языка многие специфические явления турецкого синтаксиса объяснялись и описывались путем сопоставления с соответствующими явлениями в языках другого строя, что, естественно, не позволяло в полной мере выявить синтаксические категории, присущие это-

му языку. Инерция индоевропеистической грамматической традиции обусловила преобладание морфологизма при описании синтаксиса турецкого языка, следы чего можно заметить и в современных грамматиках.

В ранних европейских грамматиках турецкого языка разработка синтаксиса проводилась более или менее единообразно: в части синтаксиса словосочетаний описывались сочетательные свойства имен и глаголов¹, а что касается

¹ См. разделы «Сочетание имени с именем» («Concordantia nominis cum nomine»), «Согласование номинатива с глаголом» («Concordantia nominativi cum verbo») и т. п. в кн.: «Francisci à Mesgnien Meninski, Institutiones linguae turcicae...», II, Vindobonae, 1756, стр. 11, 35; раздел «О согласовании имени существительного

синтаксиса предложений, то обычно ограничивались исследованием порядка слов и средств связи в простом и сложном предложениях²; строение словосочетаний и предложений в этих грамматиках не описывалось. В старых грамматиках турецких авторов, созданных под влиянием арабской грамматической школы, раздел синтаксиса вообще отсутствовал³.

Путем анализа разработки синтаксиса во многих грамматиках турецкого языка можно обнаружить ряд методологических и теоретических положений, препятствующих выявлению специфики синтаксических структур турецкого словосочетания и предложения.

В большинстве грамматик турецкого языка европейских авторов до настоящего времени грамматически разнородные конструкции в различных языках приравниваются к индоевропейскому типу. Так, турецкие синтаксические конструкции — обороты с неличными формами глагола (масдарами, причастиями и деепричастиями), которые представляют собой особый тип подчинительных словосочетаний, свойственных тюркским языкам, приравниваются к придаточным предложениям в индоевропейских языках; естественно, что такой способ изучения не может помочь установить структурные и функциональные свойства этих оборотов и их место в системе турецкого синтаксиса. Тем не менее в последние столетия именно такой подход к описанию турецких подчинительных словосочетаний этого типа был широко распространен: турецкие обороты рассматривались как эквиваленты немецких придаточных предложений, в том числе с относительными

местоимениями *was, wer* или *daß*⁴, французских⁵ и русских («сокращенных») придаточных предложений.

Таким образом, вместо описания специфической турецкой синтаксической конструкции — оборота с неличной формой глагола — она приравнивается к принципиально отличным от нее придаточным предложениям в языках другого строя на основе сопоставления значений этих различных типов синтаксических категорий.

Как известно, в общем языкознании словосочетание стало рассматриваться как самостоятельная синтаксическая единица иного уровня, нежели уровень, к которому принадлежит предложение, сравнительно недавно; естественно, что и в тюркологии синтаксическая проблема словосочетаний стала специально разрабатываться только в последние десятилетия⁷. Во многих грамматиках турецкого языка словосочетания как самостоятельный предмет синтаксиса не выделяются и рассматриваются в разделах или морфологии, или синтаксиса, но в последнем случае — недифференцированно от предложений. При этом можно наметить три подхода к описанию и анализу словосочетаний и предложений. В соответствии с одним из них, словосочетания рассматриваются как предложения, в силу чего структурные и смысловые критерии предложений и словосочетаний-оборотов становятся расплывчатыми; не различаются

с другим» (гл. III) в кн.: П. Хольдерман, Турецкая грамматика., перевод Р. Габлица, М., 1777; разделы «Синтаксис имен и местоимений» («*Syntaxe des nomes et des pronomes*»), «Синтаксис глаголов» («*Syntaxe des verbes*») в кн.: M. Viguier, *Elements de la langue turque*, Constantinople, 1790, стр. 214, 233, как и в кн.: J. Preindl, *Grammaire turque*, Berlin, 1790, стр. 94—102; разделы «Конструкция имени с именем» («*Construction du nom avec le nom*»), «Глагольная конструкция» («*Construction du verbe*») в кн.: J. W. Redhouse, *Grammaire raisonnée de la langue ottomane*, IV, Paris, 1846, стр. 244. См. раздел «О сочетания слов» в кн.: А. Казембек, Общая грамматика турецко-татарского языка, 2-е изд., Казань, 1846, стр. 362.

² См.: J. Preindl, указ. соч., стр. 102; J. W. Redhouse, указ. соч., ч. IV; А. Казембек, указ. соч., стр. 420 и сл.

³ Сб. об этом: А. Н. Кононов, Из истории грамматической разработки турецкого языка, «Труды МИВ», 4, 1947, стр. 97—104.

⁴ A. W a h r m u n d, *Praktische Grammatik der osmanisch-türkischen Sprache*, Giessen, 1869, стр. 404; G. Weil, *Grammatik der osmanisch-türkischen Sprache*, Berlin, 1917, стр. 239. Ср. также раздел «Перевод немецких придаточных предложений» (*Übersetzung deutscher Nebensätze*) в кн.: L. Peters, *Grammatik der türkischen Sprache*, Berlin, 1947, стр. 134; раздел «Сопоставление немецких союзных предложений и их передачи в турецком языке» (*Zusammenstellung deutscher Konjunktionalsätze und ihrer Wiedergabe im Türkischen*) в кн.: H. J. Kissling, *Osmanisch-türkische Grammatik*, Wiesbaden, 1960, стр. 219.

⁵ См. раздел: «Группы, эквивалентные дополнительным (обстоятельным) предложениям» [*Groupes équivalant à des propositions complétives (circonstancielles)*] в кн.: R. Godel, *Grammaire turque*, Genève, 1945, стр. 149, 151.

⁶ В. А. Гордлевский, Грамматика турецкого языка, М., 1928, стр. 113, 118, 125.

⁷ См.: С. С. Майзель, Изафет в турецком языке, М.—Л., 1957; М. Б. Балакаев, Основные типы словосочетаний в казахском языке, Алма-Ата, 1957; Ю. М. Сеидов, Словосочетания в азербайджанском языке. Автореф. докт. диссерт., Баку, 1965; Е. А. Поцелуевский, Тюркский трехчлен, М., 1967.

даже словосочетания — конструкции с *verbum indefinitum* и предложения с *verbum finitum*⁸. Ж. Дени первым ввел для обозначения словосочетаний с *verbum indefinitum* термин «квази-предложение» (*quasi-proposition*)⁹ и тем самым разграничил эти генетически разные конструкции.

Согласно другому методу описания синтаксических конструкций, словосочетания настолько абсолютизируются, что и предложения рассматриваются как предикативные разновидности словосочетаний. Так, Л. Петерс все синтаксические конструкции рассматривает в разделе под общим заголовком «Группы слов» (*Die Wortgruppen*), причем предложения отнесены к разряду «Глагольно-именных определительных групп» (*Nominalverbale Bestimmungsgruppen*) и названы «предикативными группами» (*Die Prädikativgruppen*)¹⁰. Не избежал смещения атрибутивных и предикативных конструкций Л. Б. Свифт — он рассматривает словосочетания и предложения в одном ряду, исходя из формальных критериев оформленности конституирующего члена (определяемого в словосочетании и сказуемого в предложении)¹¹.

В соответствии с третьим типом подхода, словосочетания рассматриваются в разделах морфологии как формы распространения знаменательных частей речи или подаются в качестве иллюстративного материала к способам связи слов и, таким образом, не выделяются в самостоятельную синтаксическую категорию. Синтаксическое исследование словосочетаний, целью которого является выявление их структурных свойств, при этом фактически подменяется изучением функций тех или иных морфологических и лексико-семантических категорий в составе предложения или словосочетания. Такой подход имеет давнюю традицию в османистике. Изафет, например, рассматривается в морфологической части (*Formenlehre*) под рубрикой «Генитивная связь и композита» (*Genitivverbindungen und Komposita*)¹² или же в разделе «Имя» (соответственно деепричастные обороты — в разделе «Герундий», адъективные обороты — в разделе «Прилагательное»)¹³.

⁸ См.: A. W a h r m u n d, указ. соч., стр. 405.; G. W e i l, указ. соч., стр. 231, 236; Г. Д. Г ъ л ъ б о в, Турска грамматика, София, 1949, стр. 357—371.

⁹ J. D e n y, *Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)*, Paris, 1921, §§ 1168, 1251.

¹⁰ L. P e t e r s, указ. соч., стр. 170.

¹¹ L. B. S w i f t, *A reference grammar of Modern Turkish*, Bloomington, 1963, стр. 195—196.

¹² G. W e i l, указ. соч., стр. 46.

¹³ См.: A. M ö r e r, *Grammaire de la langue turque théorique et pratique*,

Подобная «морфологизация» синтаксического описания в своих истоках восходит к работам М. Вигье, Ж. Прайндла, Р. Ж. Пикере¹⁴, в которых рассматривались не синтаксические свойства словосочетаний и предложений, а синтаксис имен и глаголов. Такой подход к исследованию синтаксических единиц имеет место и в современных грамматиках турецкого языка. Так, у А. Дж. Эмре в основу исследования грамматики положено слово, которое является главным предметом изучения на всех языковых уровнях¹⁵. При таком подходе к синтаксису на первом плане оказываются функциональные и лексико-семантические свойства отдельных слов в составе синтаксических конструкций. То же самое относится и к тем работам, где основное внимание уделяется морфологическому составу словосочетаний и сочетательным возможностям отдельных частей речи¹⁶.

Наиболее полное описание синтаксического строя языка достигается при учете данных всех языковых уровней, начиная с фонетического; при этом, однако, нельзя забывать, что все эти уровни находятся в субординационном отношении к синтаксическому уровню и должны использоваться в этом случае для наиболее полного освещения собственно синтаксических категорий. Такой анализ единиц несинтаксического уровня, например семантического или морфологического, сам по себе не дает исчерпывающих результатов для синтаксического исследования, хотя и может отразить один из его аспектов. Трудность любого синтаксического исследования заключается, с одной стороны, в выборе вспомогательных средств несинтаксического уровня для разрешения той или иной синтаксической задачи.

Istanbul, 1961, стр. 18, 135; H. E d i s k u n, *Yeni türk dilbilgisi*, Istanbul, 1963, стр. 117, 146 (в разделе синтаксиса — «Sözdizimi» — разбираются исключительно предложения); T. N. G e n c a n, *Dilbilgisi*, Istanbul, 1966, стр. 107—114; G. L. L e w i s, *Turkish grammar*, Oxford, 1967, стр. 41, 45.

¹⁴ См.: M. V i g u i e r, указ. соч., стр. 213; J. P r e i n d l, указ. соч., стр. 94; P. J. P i q u e r é, *Grammatik der türkisch-osmanischen Umgangssprache*, Wien, 1870, стр. 213.

¹⁵ См. разделы «Слова с точки зрения значения» (*Anlam bakımından kelimeler*), «Слова с точки зрения их образования» (*Yapılış bakımından kelimeler*), «Слова с точки зрения синтаксиса» (*Dizim bakımından kelimeler*) в кн.: A. C. E m r e, *Türk dilbilgisi*, Istanbul, 1945.

¹⁶ См., например, раздел «Распространение имен» (*Erweiterung des Nomens*), где рассматриваются словосочетания, в кн.: H. J. K i s s l i n g, указ. соч., стр. 126.

ческой проблемы, а с другой стороны, в установлении необходимой пропорции между этими средствами и собственно синтаксическими средствами. Любое несоответствие между освещением единиц синтаксического и несинтаксического уровня является недостатком такого исследования, и, напротив, пропорциональное использование единиц всех уровней дает наибольший эффект в синтаксическом исследовании. Поэтому понятно стремление исследователей к максимальному использованию всех средств лингвистического исследования при анализе на высшем синтаксическом уровне, что успешно достигается в «Грамматике современного турецкого литературного языка» А. Н. Кононова. Предложение в этой грамматике описывается на основе двух классификаций: семантической и структурной. Согласно семантической классификации, все предложения подразделяются на: 1) повествовательные, 2) вопросительные, 3) восклицательные, 4) модальные. Согласно структурной классификации, предложения подразделяются на простые и сложные, в свою очередь, простые делятся на нераспространенные и распространенные, выделяются также полные и неполные, односоставные и двусоставные предложения¹⁷; а сложные — на сложносочиненные и сложноподчиненные. В разделе «Словосочетание» здесь рассматриваются не словосочетания как таковые, а только способы (приемы) сочетаний слов...»¹⁸.

Во многих современных грамматиках турецкого языка турецких авторов раздел синтаксиса включает описание словосочетаний и предложений. Словосочетания, или «детерминативные группы» (*belirtme grupları*), подразделяются на ряд типов, устанавливаемых по лексико-морфологическому признаку: именные, ишафет (*isim tamlamaları*), адъективные (*sıfat tamlamaları*), адвербиальные (*zarf grupları*), приложения (*ünvan grupları*)¹⁹. Наряду с данными типами рассматриваются сочинительные словосочетания (*bağlama grupları*), сочетания с послелогом (*edat grupları*), сочетания объекта с глаголом (*fiil grupları*) и ряд других. Однако синтаксический принцип отбора типов словосочетаний нарушается включением в номенклатуру описываемых типов морфологических и лексико-семантических категорий, например: сложные имена (*bileşik isimler*), составные числительные (*sayı gurubu*) и даже аббревиатуры (*kısaltma grupları*)²⁰.

¹⁷ А. Н. Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка, М. — Л., 1956, стр. 494.

¹⁸ Там же, стр. 374.

¹⁹ М. К. Bilgegil, Türkçe dilbilgisi, Ankara, 1964, стр. 115—163.

²⁰ M. Ergin, Türk dil bilgisi, İstanbul, 1962, стр. 353—375.

Тем не менее, сам факт фиксации всех типов словосочетаний является шагом вперед в изучении турецкого синтаксиса.

В новых турецких грамматиках классификация предложений производится по ряду структурных и лексико-грамматических признаков: типы предложений устанавливаются с учетом именного или глагольного сказуемого (*yüklemlerine göre cümleler*), порядка следования членов предложения (*öğelerin dizilişine göre cümleler*), строения предложений (*yapılarına göre cümleler* — имеется в виду простой и сложный состав предложений), наконец, их значения (*anlamlarına göre cümleler* — имеется в виду модальный характер предложений)²¹. Таким образом, можно отметить серьезное и плодотворное развитие проблем синтаксиса в работах турецких языковедов, исследования которых представляют особый интерес, поскольку проводятся самими носителями языка.

Среди современных работ по турецкому языку «Справочная грамматика современного турецкого языка» Л. Б. Свифта, выделяется применением методов дескриптивной лингвистики, в частности, метода непосредственно составляющих, а также методов актуального и ритмико-интонационного членения. При анализе синтаксических конструкций используются единицы различных уровней. На фонологическом уровне в качестве меры ритмико-интонационного членения, расцениваемой как структурный показатель, рассматривается «сегмент» (*segment*). Единицами логико-грамматического членения признаются «тема» (*topic*) и «объяснение» (*comment*)²². Единицами формального синтаксического уровня признаются «определитель» (*qualifier*) и «конституирующий член» (*head*); при этом Л. Б. Свифт отлекается от атрибутивной и предикативной формы синтаксической связи.

Анализ разработки синтаксиса турецкого языка свидетельствует о стремлении к наиболее полному описанию синтаксических явлений; при этом основным предметом изучения являются словосочетания и предложения, используются различные способы синтаксического исследования. При таком изучении привлекаются языковые единицы всех уровней — от фонетического до синтаксического. Однако собственно синтаксический анализ, базирующийся на учете единиц всех этих уровней, прежде всего предусматривает использование собственно синтаксических единиц, к которым можно отнести способы синтаксической связи, порядок слов, форму и значение двух типов син-

²¹ См.: Н. Ediskun, указ. соч., стр. 355; М. К. Bilgegil, указ. соч., стр. 51; T. N. Gencan, указ. соч., стр. 53.

²² L. B. Swift, указ. соч., стр. 173.

таксической связи — атрибуции и предикации, определяющих в конечном счете структуру синтаксических конструкций. Актуальное и ритмико-интонационное членение предложения может рассматриваться как «надбазисный» аспект синтаксического исследования, поскольку оно накладывается на формальную синтаксическую структуру, а само по себе не имеет выражения.

Для разработки турецкого синтаксиса прежде всего необходимо выявить и описать структурные типы (модели) словосочетаний и предложений и их расклассифицировать. Только после такой инвентаризации возможен общий анализ и выявление основных типологических черт турецкого синтаксического строя, в том числе и актуализации. Причиной отсутствия работ по актуальному членению в турецком языке является недостаточная разработка структурных черт турецкого синтаксиса, а отнюдь не то, что в тюркских языках якобы совпадают планы формально-грамматический и актуальный.

Выявление основных структурных типов (моделей) словосочетаний и предложений в турецком языке возможно прежде всего при условии четкого разграничения их как двух синтаксических категорий, отражающих две формы человеческого мышления: конкретизацию (дифференциацию) и обобщение (интеграцию) через два способа синтаксической связи — атрибуцию и предикацию.

И словосочетание, и предложение, как и любое языковое явление, включает в себя две стороны — формальную и содержательную, которые тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, и это необходимо отразить при описании структурных типов словосочетаний и предложений. Для синтаксического описания содержательная сторона той или иной синтаксической конструкции важна в том случае, когда семантика обуславливает строевые особенности конструкции. С учетом вышеизложенного для описания словосочетаний и предложений можно предложить следующие схемы.

Словосочетания как номинативные синтаксические единицы могут быть описаны в следующих двух планах.

1. Структурно-грамматический план предусматривает два уровня: а) лексико-морфологический уровень, на котором словосочетания подразделяются на именные или глагольные по принадлежности конституирующего члена — определяемого — к категориям имен или глаголов. Такое подразделение необходимо, поскольку именные и глагольные словосочетания различаются в отношении форм синтаксической связи своих членов; б) синтаксический уровень, на котором словосочетания подразделяются по типам синтаксической связи на сочинительные и подчинительные, а также по способам подчинительной связи между составляющими их членами (примыкание, управление, согласование). По количеству сочетающихся членов словосочетания подразделяются на простые (двучленные) и сложные (многочленные).

2. Функционально-семантический план: лексико-семантические и синтаксические свойства определяемого члена словосочетания обуславливают его функциональные свойства, в соответствии с чем словосочетания подразделяются на субстантивные и атрибутивные. Деление словосочетаний на свободные и связанные определяется главным образом их семантикой и представляет интерес для синтаксического анализа лишь в том случае, если «связанность» словосочетания обусловлена тем или иным его структурным свойством.

Предложения как коммуникативные синтаксические единицы в плане выражения могут быть исследованы в отношении их структурно-синтаксических, морфологических и фонетических черт, а в плане содержания — в отношении их лексико-семантических, модальных и логико-грамматических черт. Однако сложная предикативная природа предложения чрезвычайно затрудняет разделение этих черт предложения, поэтому планы, в которых возможно исследование предложения, тесно переплетаются и устанавливаются условно.

1. Структурно-грамматический план предусматривает два уровня: а) морфологический уровень, на котором предложение классифицируется по принадлежности конституирующего члена — сказуемого к категории имен или глаголов; в соответствии с этим предложения подразделяются на именные, сказуемые которых выражены именем с глагольной связкой, и глагольные. Такие предложения различаются не только семантически, но и структурно; б) синтаксический уровень, на котором предложения подразделяются по следующим своим структурным свойствам: 1) по составу, т. е. по наличию конституирующих членов, на односоставные — двусоставные, полные — неполные, 2) по пространственности: на нераспространенные — распространенные, простые — сложные, 3) по порядку следования своих членов на предложения с прямым и инвертированным порядком слов.

2. Модальный план: двуплановая сущность модальности как синтаксической категории заключена в выражении отношения, с одной стороны, содержания предложения к реальной действительности и, с другой стороны, отношения говорящего к содержанию предложения. Таким образом, в одном предложении модальность выражается двояко путем целого комплекса формальных языковых средств: интонации, форм гла-

гольного наклонения, порядка слов, модальных слов и частиц²³.

Проблема модальности в языкознании является неразрешенной, границы между ее грамматическим и логическим аспектами устанавливаются различно²⁴. Разграничение содержательной и выразительной стороны категории модальности к тому же затруднено тем, что существует множество формальных средств ее выражения.

Модальность — общепризнанное свойство предложения; ввиду того, что модальность выражает два указанных типа отношений, можно допустить существование двух подсистем модальности в предложении. Одна подсистема, выражающая степень достоверности действия, передает отношение содержания предложения к реальной действительности и реализуется при помощи форм глагольного наклонения. Другая подсистема, выражающая целевую установку действия, отражает отношение говорящего к содержанию предложения и реализуется при помощи лексико-грамматических средств.

3. Логико-грамматический план определяет коммуникативное

²³ См. об этом: Ф. Р. Зейналов, Категория модальности и способы ее выражения в тюркских языках, «Советская тюркология», 1970, 2, стр. 96.

²⁴ См.: В. З. Панфилов, Грамматика и логика, М.-Л., 1963, стр. 43—56.

назначение предложения. Данный аспект еще не получил достаточной разработки в тюркологии²⁵. При рассмотрении предложения в логико-грамматическом плане учитываются как структурные его особенности (порядок слов), так и данные синтаксической фонетики (амфаза, логическое ударение, ритмико-интонационное деление). Следует принимать во внимание также и лексико-грамматические элементы, обуславливающие актуальное членение (например, энклитики, артикли, аффиксы модальности).

Только учет всех перечисленных планов позволит с возможной полнотой описать основные единицы синтаксиса словосочетания и предложения в турецком, как и в других тюркских языках.

А. Н. Баскаков

²⁵ На материале тюркских языков актуализация исследовалась в работах: И. Располов, К. Закирьянов, Основные функции порядка слов в русском языке, «Р. яз. в нац. шк.», 1965, 4; А. Садыков, К вопросу о типологии выражения предикативности (на материале некоторых индоевропейских и тюркских языков). Автореф. канд. диссерт., М., 1969; Л. Ю. Тугушева, Порядок слов в определительных конструкциях (на материале татарского языка). Автореф. канд. диссерт., М., 1969.

О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ РАБОТАХ М. А. ТРИАНДАФИЛИДИСА

Языкознание Новой Греции почти неизвестно советским языковедам. Поэтому для них было бы, вероятно, интересно познакомиться с кратким обзором трудов одного из выдающихся греческих лингвистов нового времени — Манолиса А. Триандафилидиса¹.

Особенностью языкознания в Новой Греции является его тесная связь с общественной жизнью греческой нации в

целом. Это объясняется чрезвычайно сложной, не имеющей себе сейчас аналогичной языковой ситуацией в Греции, где до сих пор еще не решен вопрос о едином стиле национального языка, который выступал бы в качестве нормы во всех сферах общественной жизни (распространенное мнение о существовании в Новой Греции «двух языков» — кафаревусы и димотики — является сильным огрублением реальности; как показали Г. К. Папагеотис и Дж. Макрис, языковая ситуация в Греции гораздо сложнее²). Поэтому почти любая работа, посвященная новогреческому языку и написанная в Греции, так или иначе должна касаться так называемого «языкового во-

¹ М. А. Триандафилидис родился в 1883 г. Он учился в Афинском университете у основателя научного языкознания в Греции Г. Н. Хадзидакиса (1848—1941), а затем в Германии у выдающегося византолога и неологиста профессора Мюнхенского университета К. Крюмбахера. Под руководством последнего Триандафилидис подготовил и в 1908 г. защитил докторскую диссертацию. Вернувшись в Грецию, Триандафилидис был профессором Фессалоникского университета (с 1926 г.), а также работал в Министерстве образования. Умер Триандафилидис в 1959 г.

² Ср.: G. C. Papageotes, J. Macris, The language question in modern Greece, «Papers in memory of George C. Papageotes», New York, 1964, стр. 53—59. Согласно Папагеотису и Макрису, в Греции сейчас существуют четыре стиля устной и семь стилей письменной греческой речи, которые используются в различных сферах.